

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Об Анатолии Дурове

«Public Domain»

1916

Куприн А. И.

Об Анатолии Дурове / А. И. Куприн — «Public Domain», 1916

«Я помню Дурова с детских лет. Мы жили тогда в Москве, я поступал в корпус, а Дуров «выступал» из корпуса. В моей памяти одиннадцатилетнего мальчика остались шалости маленького Анатолия...»

© Куприн А. И., 1916

© Public Domain, 1916

Александр Иванович Куприн Об Анатолии Дурове

Я помню Дурова с детских лет. Мы жили тогда в Москве, я поступал в корпус, а Дуров «выступал» из корпуса. В моей памяти одиннадцатилетнего мальчика остались шалости маленького Анатолия.

Это было в 1879 году. Мы жили по соседству с Дуровыми. Бабушка его, очаровательная старушка, вечно огорчалась «коленцами» своего внука. А Анатолий безудержно, бесшабашно демонстрировал тогда уже свои номера перед товарищами. Он вертелся колесом, ходил на руках и изображал клоуна. Никто из нас не умел так живо изображать клоуна, как это делал Анатолий. Времяпровождение на лужайке, где происходили эти монстр-представления, сделалось для нас самым заманчивым, самым интересным и привлекательным, и мы там простаивали часами. Тайно я благоговел перед ним, но он меня не замечал.

Припоминаю, как однажды в семье Дуровых произошло большое волнение: Анатолий куда-то исчез. Его искали, справлялись у соседей и только через пять месяцев узнали о том, что он попал в бродячую труппу к какому-то немцу и подвизается в его балагане. Это событие сильно отразилось на бабушке, которая не могла примириться, что в дворянском роду Дуровых, записанном в Бархатной книге, имеется «циркач». Вскоре Анатолий стал присылать семье весточки о себе, где сообщал о жестоком обращении «директора» цирка. Прошло еще пять лет, от Дурова стали получаться большие афиши, программы его выступлений, затем венки – доказательство его успехов, и, наконец, брильянты, которые он прислал бабушке на хранение. Помирился он со своей семьей в конце восьмидесятых годов, когда имя Анатолия Дурова было уже популярно во всей России.

Дуров, к счастью, воспитывался в Москве, в этой столице, которая так любит иметь всегда своих знаменитостей и которая так щедро дарит им внимание, ласку и любовь. Москва взлелеяла свой Художественный театр так, как это не мог бы сделать ни один из русских городов.

Москва создала огромную популярность и покойному антрепренеру Леонтовскому, и Москва осияла лучами славы тернистый – поистине тернистый – путь клоуна Анатолия Дурова. Был ли он, однако, клоуном?

Правильно ли называть его клоуном сейчас, когда мы говорим о нем, как о покойном, и когда говорю о нем я, как об артисте, которого я так хорошо знал? У меня до сих пор осталось впечатление, что Дуров был бы прекрасным артистом сцены, тех подмостков, которые требуют подъема нервов, глубоких переживаний и любви. Этой любви у Дурова было много. Он мог рыдать, как малое дитя, когда его животные опасно заболели, и вместе с восстановлением их здоровья хорошее, доброе настроение возвращалось к Дурову опять.

Помню первую встречу с Дуровым-клоуном в Киеве. Это было в 1894 году. Я тогда писал в одной из киевских газет и, горячо любя цирк, пошел посмотреть Дурова, чтобы написать в газете. Тут произошел весьма печальный инцидент: встретившись со мной в коридоре и узнав, что я присутствую в цирке как «рецензент», Анатолий Дуров, прощаясь со мной, всунул мне в руку десятирублевую бумажку. Я обругал его, и долго мы оба не могли успокоиться.

– Но отчего же так редко пишут о цирке? – спрашивал Дуров у меня.

– Я сам до сих пор думаю, что цирку газеты мало уделяют внимания, а об этом следовало бы писать.

Для своего времени Анатолий Дуров был чрезвычайно яркой фигурой: его сатирические выходки против полиции и против власти вообще по тому времени были чрезвычайно смелы. Я не скажу, чтобы Дуров «делал политику» на цирковой арене, но для галерки – это был незаме-

нимый и на все события общественности отзывчивый весельчак. Он любил молодежь, любил студенчество и ко всем мог применить свой крупный талант.

В одну из своих поездок в Германию он в тамошнем цирке проделал следующий номер: он вывел дрессированную свинью, положил на табуретку немецкую каску, вокруг которой были установлены различные блюда. Однако животное опрокинуло все блюда и взяло каску. Тогда Дуров обратился к присутствующим и сказал: «Dieses Schwein will Helm» (эта свинья желает каску). «Helm» по-немецки – каска. Позднее он говорил в кругу друзей:

– Это – месть моя немцам за жестокое обращение со мной первого директора – немчуры.

Курьезно отметить, что эту самую дрессированную свинью Анатолий Дуров продал московским купцам, кутившим с ним в Эрмитаже, за десять тысяч рублей. Из этой свиньи был приготовлен вкусный ужин, но как велико было огорчение московских кутил, когда они узнали от самого же Дурова, что он им свинью подменил. По этому поводу Дуров шутил:

– Вот единственный случай, когда я действительно подложил вам свинью.

Анатолий Дуров любил Одессу, и «юная красавица» отвечала ему полной взаимностью. Но власти обыкновенно пугались появления Дурова, ибо с ним всегда было много «возни».

Недружелюбно и очень сдержанно встретил его бывший одесский градоначальник Зеленый. Анатолию Дурову стоило больших трудов получить разрешение на гастроль в Одессе. И вот на первом же представлении он вывел на сцену дрессированного осла, который был окрашен в зеленый цвет.

Дуров проскакал верхом на осле, заставив его проделать несколько трудных па, а затем сказал:

– Много было у меня возни с тобой, зеленый, но все-таки я победил...

Нечего, конечно, говорить, что эта гастроль его оказалась и последней. Но Дуров не унывал. Это удивительно пружинистая личность, которую энергия никогда не покидала. Его неоднократно обкрадывали в некоторых провинциальных городах, кассиры сбегали вместе со сбором, оставив Дурова буквально в нищенском положении, но Дуров не терялся. Он находил в себе силы преодолевать все это незлобиво.

Одно время ему очень не везло: были у него личные семейные неурядицы, шла у него борьба с братом, горели его цирки, умирали животные, но все же он сохранил в себе какую-то особую ясность.

Не могу не отметить того, как Анатолий Дуров отзывался всегда хорошо о своих коллегах – клоунах. В среде цирковой... – это явление исключительное. Не любил он итальянских клоунов и не пользовался симпатиями и у них, и, когда однажды в Италии гастролировал брат его Владимир Дуров, итальянские клоуны, приняв его за Анатолия, засыпали табаком глаза знаменитой собачки его Бижки.

Мое последнее свидание с Анатолием Дуровым происходило в Петрограде задолго до войны. Дуров показал мне свою статью, помещенную в какой-то московской газете, и по ней, насколько я припоминаю, могу сказать, что он не был лишен и литературных способностей, хотя он сознался мне, что в «данной» работе ему помог опытный журналист.

В Дурове мы потеряли человека с кипучим темпераментом, одаренного природным комизмом, большой отзывчивостью и умением понимать искусство.